

Оюун Э.
(МНР)

11/VI-87

11 ИЮЛ 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ОКТАБРЬ И СУДЬБЫ

Э. Оюун:

«ЗНАЙ И УМЕЙ!»

— ЭТО ЖИЗНЕННЫЙ ПРИНЦИП
РОВЕСНИЦЫ ОКТАБРЯ,
ИЗВЕСТНОГО ТЕАТРАЛЬНОГО
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
МОНГОЛИИ

«А ТЕПЕРЬ я буду хвастаться», — говорит она, и невольно думаешь, чем еще может удивить эта женщина, когда и без «хвастовства» ясно, что перед нами человек, что называется, «из ряда вон». Человек этот — Э. Оюун, председатель Монгольского союза работников искусств. Встретились мы с ней в Улан-Баторе, и слушать ее было так увлекательно, что разговор захотелось продолжить. Сделать это, однако, мы смогли лишь по дороге в Москву, куда Оюун летела на Всемирный конгресс женщин, и диалог наш разговором назвать, пожалуй, нельзя. Моя собеседница буквально предвосхищала вопросы и говорила как раз о том, о чем хотелось ее спросить.

Больше же всего хотелось понять, как она стала тем, кем стала. Не в смысле официальной должности — об этом и узналось-то после знакомства, — а в смысле всего остального. Тридцать лет Оюун была главным режиссером Государственного театра драмы, кроме того, писала рассказы и пьесы, кроме того, играла на сцене, кроме того, переводила с русского, и «пробой пера» стал для нее «Ревизор» — за этим, как выяснилось позже, своя и закономерная история.

Вот такая это была женщина, которая собиралась нас удивить и удивила-таки, как в свое время поразила в Москве ректора ГИТИСа, зайдя к нему и заявив, что хочет поступить в аспирантуру.

— В сорок лет? — он даже развел руками. — Зачем ты будешь мучиться? Пиши пьесы, режиссируй.

А я ему в ответ говорю: — Не в сорок, а в тридцать девять.

После этого он говорит:

— Ну, значит, ты действительно хочешь учиться. Словом, принял меня. А через несколько лет я защитила диссертацию о народных истоках театрального искусства Монголии.

— Оюун-гуай, а зачем в самом деле вам понадобилась диссертация?

— Как зачем? Человек искусства всю жизнь обязан учиться — у книг, у людей, у всего, что его окружает. Однажды на остановке автобуса я подслушала разговор, который помню уже много лет. Молодой упрекал старого: «Вы всегда трудились, а что накопили?» Пожилой ответил: «Я накопил немножко ума, опыта и каждый месяц хожу и получаю пенсию, что еще надо?»

Старик рассуждал мудро.

Он знал: все лишнее, чего желает человек, рано или поздно оборачивается против него, и он гордился самым главным — независимостью, которую дал ему труд.

Только не подумайте, что я прячусь за общие слова. Долг, обязанность — важные, нужные понятия. Их внушают нам с детства, но, когда вырастаешь, начинаешь понимать, что рядом с ними должно быть и другое — радость, счастье, которые приходят, если ты видишь, что усилия твои не пропадают даром. Сизифов труд... Разве можно придумать более тяжкое наказание?

Почему так много, с утра до ночи, работал мой отец? Потому что чувствовал — теперь я в этом уверена, — усилия его приносили плоды. Целых пять лет он был министром просвещения нашей республики. На его глазах, трудом его и его товарищей открывались школы, рабфаки. Молодежь айлов — еще вчера неграмотная — жадно училась. И не только потому, что так велел долг. Ей этого самой хотелось — хотелось иной, новой жизни, дорога в которую открывалась с помощью знаний.

Мне скоро будет семьдесят лет, я ровесница Октября, и могу, не покривив душой, сказать, что ваша и наша революции сделали меня тем, кто я есть. Вы знаете, я занималась и одним, и другим, и третьим. А почему? Так было нужно. Вначале появилась необходимость, а уж потом — все остальное. Потребность души, любовь, увлеченность. Я думаю даже так: если бы не было необходимости, я, наверное, стала бы учительницей, как мой отец. Впрочем, так все и начиналось — с преподавания. Только по-особому начиналось. Не так, как теперь, а так, как диктовали жизнь и время, у которого в ходу были два магических слова: знай и умей.

Первый раз я по-настоящему услышала эти слова, когда окончила рабфак, где меня оставили «при кафед-

ре». «Будешь преподавать географию», — так мне сказали. «Но я ее не знаю». «А ты знай». Добыла я пару книг и принялась выучивать наизусть нужные главы, пересказывать их. Учила и училась. А потом меня послали в школу переводчиков. Мой отец не уставал повторять, что русский язык — окно в мир. Вот почему мы, дети, — а в семье нас было четверо — говорили и читали по-русски. В школе в мой обиход вошло второе магическое слово: умеи. И я, кажется, сумела. Переведу маленький рассказ Чехова, дам его проверить знающим людям, а затем иду к студентам. Учи их, снова учусь сама.

Но и здесь я не задержалась. Послали меня переводчицей, а вернее, толмачом в театр, который к тому времени был открыт уже несколько лет. Из Москвы к нам приехал режиссер Виктор Антонович Бореишо, которому я помогала установить контакт с актерами и который стал моим «крестным отцом». Так в восемнадцать лет кончились мои «профессиональные» скитания.

В минувшем июне в Монголии проходила декада советского искусства, и перед актерами, режиссерами, музыкантами выступал министр культуры СССР В. Г. Захаров. Он рассказывал о перестройке и, в частности, о театральном эксперименте. О нем же на другой встрече говорил О. Н. Ефремов — МХАТ принимал участие в декаде, — и среди тех, кто его слушал, была Э. Оюун. Упустить возможность и не спросить ее об отношении к эксперименту было бы неразумно.

— Мы тоже думаем о путях театра. У нас, как и у вас, есть свои, но есть в чем-то и общие сложности. Самое озорливое — художественное однообразие и, как следствие — убывающий интерес зрителей. В Монголии двенадцать аймачных театров, государство им всячески помогает, но не в его силах дать каждому коллективу талантливый руководителя. В результате почти все театры

копируют столичные постановки, и мы, общественность, миримся с этой пагубной инертностью.

Чтобы изменить положение, надо пробовать, искать, надо быть смелее. Надо, как вы делаете теперь, поощрять рождение маленьких студий и быть к ним терпимее. К их несовершенству и к их завихрениям. Правда, о завихрениях я говорю преждевременно — у нас никто особенно не «завихряется».

Но в чем-то необходимо быть жестче. Если в труппе семьдесят человек и один режиссер, разве могут все семьдесят быть заняты в спектаклях? Актер же, который не играет, дисквалифицируется и тянет театр вниз, как ни грустно в этом признаться. Надо думать о судьбе актера, но и о зрителях надо думать тоже.

У каждого народа свои критерии эмоциональности. Нам близки «Король Лир», «Коварство и любовь», «Бесприданница», «Овод» — открытые страсти, бескомпромиссные решения. Помните, я говорила вам о «Ревизоре»? Его перевод тоже связан с магическими «знай и умеи». Не будь их, разве посмела бы я подступить к Гоголю? Но дело не во мне, конечно. Писатель Аюуш, давший это задание и внимательно следивший за его выполнением, думал, как быстрее, как вернее приобщить людей к театру, к просвещению — страна ведь была почти неграмотна, а язык сцены понятен всем. Гоголевская пьеса эту миссию выполняла безукоризненно, была для нашего народа той кафедрой, с которой миру действительно можно сказать многое. Искусство внушает высокие мысли и чувства, служить ему — значит служить людям. В этом убедила меня долгая жизнь.

Достойная жизнь, добавим мы, и на этом расстанемся с нашей героиней.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

(Спец. корр.

«Советской культуры»).

УЛАН-БАТОР — МОСКВА.